

Литературная газета, 1964, 12 декабря

И БУДУ сочинять длинной рецензии, ни даже короткой. Скажу только: прочтите новую книгу Всеволода Иванова, в которую входят шесть его лучших пьес. Из них три никогда не ставились, две — мало кому известны. И лишь

одна обошла многие сцены нашей страны, перешагнула ее рубежи, неоднократно возобновлялась и давно признана замечательным явлением в советской драматургии: «Бронепоезд 14-69». Но не о нем речь. Читатель видел его или постоянно слышит об этой пьесе. Важнее сказать о других, которые «Бронепоезд» как бы затмил. Эти пять совсем не похожи на прославленную пьесу, как, впрочем, не похожи и между собой. Одним ключом их не отперешь. И если К. С. Станиславский раскрыл то новое, что заключал в себе рассказ о победоносных сибирских партизанах и обреченных белогвардейцах, которых не защитит от революции никакая броня, если Вл. Ив. Немирович-Данченко первый увидел достоинства «Блонады», которая, как пишет историк театра, «принадлежит к числу его самых смелых и интересных постановок», то остальные вошедшие в новую книгу пьесы остаются никому неизвестными, несмотря на острый интерес, проявленный в свое время Московским Художественным театром к великолепной исторической пьесе «Двенадцать молодцев из табакерки» и к «Вдохновению». «Она трудная, — говорил Вл. Ив. Неми-

Вс. Иванов. Пьесы. «Бронепоезд 14-69». «Блонада». «Компромисс Наибхана». «Двенадцать молодцев из табакерки». «Поле и дорога». «Вдохновение». Издательство «Искусство», М. 1964.

Всеволод Иванов, несыгранный

Иракий АНДРОНИКОВ

рович-Данченко о последней из этих двух пьес, — ее трудно сделать, трудно охватить, и поэтому она для меня представляет интерес в моей режиссерской работе... Тут все будет ново, весь спектакль свежий. И каким великолепным языком написана вся пьеса!»

Одно из действующих лиц этой пьесы Дмитрий — «император Руси, он же и Самозванец». «Я утверждаю, — говорил Немирович-Данченко, — ни у Островского, ни у Пушкина так Дмитрий не нарисован. Если бы я был актером, — чтобы я отказался от такой роли Дмитрия?!»

Читателя, конечно, заинтересует эта оценка великого режиссера. Но, вероятно, приведет в недоумение другое. Оказывается, и в этом случае речь идет о пьесе отнюдь не на современную тему. Между тем не того ждут сегодня театры...

Спешу разъяснить. Пьеса не историческая. В ней действуют Фома Иванович Конев — артист Академического театра, Максим Егорыч Филатьев — артист киностудии на выходных ролях и Анна Михайловна Чуркина — актриса, приехавшая с периферии. «Пьеса из актерского быта?» — спросите вы.

Нет!

Действие начинается в киноподне под Москвой. Идет репетиция фильма о Смутном времени. Скоро утро. Автор. Режис-

сер. Загримированные актеры. Ищут «зерно» эпизода. Вдруг павильон затягивает дымом. В соседних помещениях пожар. Павильон опустел. Трое актеров задержались, чтобы собрать утварь, взятую из Исторического музея. Хотят выйти — дверь заперта. Схватив скамейку, они вышибают дверь. И тут в горницу вбегает толпа мужиков с деревянными ведрами. Не по сценарию! И уже нет павильона! К ним ворвался подлинный XVII век!

Трое загримированных актеров попадают ко двору Дмитрия Самозванца. Самозванец увлечен астрологией. И реальные знания советских людей принимает за прорицание астрологов.

Дмитрий интересуется, кто из его потомков царствует в двадцатом веке. И слышит, что Русью правит народ! Что стрелецкий голова Конев в двадцатом веке в юности был шофером и водил машину со скоростью сто верст в час.

Дмитрий и его иноземная свита хохочут.

От Конева и Филатьева Дмитрий узнает, что история назвала его Самозванцем. Актеры знают, в каком году ждет его смерть. Попав в XVII век, они видят этот век с позиций двадцатого. Но и видят много такого, чего мы не знаем. И как настоящие люди нашего века и настоящие русские люди семнадцатого, они принима-

ют участие в народном восстании против иноземного владычества. И в тот миг, когда Конев накладывает стрелу на арбалет и прицеливается в Дмитрия, дверь качается, трещит, актеры падают, обстановка принимает несколько условный и театральный вид. И вбежавший врач наклоняется над упавшими. Они задохнулись в дыму. И находятся в обмороке. И вот в тот момент, когда является возможность продолжать репетицию, они играют один из тех эпизодов, который они пережили в «XVII веке». И они уже знают все о своих героях. Что после смерти Самозванца они пошли в ряды Болотникова. А дети их — в полки Разина. А внуки и правнуки лили пушки для Пугачева. А праправнуки стояли на баррикадах Октября. Соединяются времена. История разворачивается, как великая лента, связывающая отдельные звенья борьбы за свободу. И вдохновение народа русского снисходит на создателей фильма, который снимается в киноподне под Москвой...

Нет! Это не история ради истории! Не уход это от современности. Драматург зажигает воображение, заставляет нас увидеть в новом свете собственную нашу судьбу, какой она могла быть и какой была для сотен поколений таких же людей, как ты, сегодняшней читатель «Литературной газеты», родился ты тремя столетиями раньше!

Прочтите «Вдохновение» Иванова! И все остальные его пьесы, включенные в книгу, осмысляются иначе в свете этого философского лирического и драматического представления, не уложившегося в привычные жанры драматургии и потому ожидающего вот уже четверть века своих оригинальных истолкователей.